

§5 МЕНЕДЖМЕНТ И КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Зайцев А.В.

ДИАЛОГ: КОНФЛИКТ ИЛИ КООПЕРАЦИЯ? (ОБЗОР ТОЧЕК ЗРЕНИЯ И ИННОВАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА УПРАВЛЕНИЯ ДИАЛОГОМ)

Аннотация. Предметом исследования является инновационная парадигма управления диалогом. Автор рассматривает точки зрения на диалог: как на конфликт, так и на кооперацию. Так формируется идея, что конфликт и кооперация это амбивалентные кластеры диалога. Между конфликтом и кооперацией расположены еще пять кластеров, отличающиеся друг от друга различной степенью конфликтности. Каждый последующий кластер, начиная от диалога конфликтного типа в сторону его противоположно полюса, более конструктивен, чем предыдущий. Отсюда вытекает возможность управления диалогом. В основе методологии, использованной при написании статьи, использованы системный и компаративный методы, элементы дискурс-анализа и теории управления конфликтами. Личным вкладом автора в теорию управления конфликтами является разработка диалогической модели преодоления противоречий и конфликтов. Данный подход может быть использован в сфере публичной политики (диалог государства и гражданского общества, межсекторное партнерство, PR и GP-коммуникации, лоббизм), а так в международных отношениях.

Ключевые слова: диалог, конфликт, кооперация, согласие, государство, гражданское общество, управление, коммуникация, дискурс, интеракция.

Abstract. The subject of this study is the innovative paradigm of dialogue management. The author examines the viewpoints on dialogue – dialogue as a conflict and dialogue as cooperation. Thus the idea is formed that conflict and cooperation are ambivalent clusters of dialogue. Between conflict and cooperation lie five more clusters that differ from each other by their degree of conflict potential. Each subsequent cluster, starting with confrontational dialog, all the way to its polar opposite, is more constructive than the previous one. Thus emerges the opportunity for managing the dialogue. The basis of the methodology used in this article includes systemic and comparative methods, elements of discourse analysis and conflict management theory. The author's personal contribution to the

conflict management theory is the development of the dialogue model of overcoming contradiction and conflict. This approach may be used in public politics (the dialogue between the state and the civil society, intersectoral partnership, PR and GP communications, lobbying), as well as international relations.

Key words: *conflict, cooperation, agreement, the state, civil society, management, communication, discourse, interaction, dialogue.*

Утверждение необходимости дискурсивного взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества в формате диалога превратилось в современной политической науке и политической практике в формальный ритуал, шаблон, трафарет, штамп. С.П. Поцелуев, практически первым из российских политологов детально исследовавший политический диалог в соотнесенности с коммуникативными теориями демократии, пришел к неутешительному выводу об отсутствии в российской политической науке серьезных исследований, как политического, так и гражданского диалога: «В России парадоксальным образом к проблеме концептуализации политического диалога ближе всего подходят не столько политологи, сколько их коллеги из смежных отраслей знания: философы, лингвисты, социологи, медиаведы» [1, с. 6].

Ситуация с исследованием диалога государства, бизнеса и гражданского общества в российской политической науке усугубляется также тем обстоятельством, что даже в смежных с ней науках диалог все еще не привлек сколько-нибудь серьезного внимания со стороны российских ученых-обществоведов. «Распространенность, обычность диалога столь на первый взгляд интуитивно достоверна и очевидна, что это порой ведет к взгляду на диалог, как на нечто недостойное особого исследования», – пишет по этому поводу философ-логик К.Д. Скрипник [2, с. 4]. «Термин диалог, – утверждает философ-культуролог А.А. Пелипенко, – может в известном смысле служить примером того, как современное научное сознание работает с общими понятиями: все примерно представляют, о чем идет речь, но никто ясно не может определить, что же это такое» [3, с. 64].

Междисциплинарный характер предмета исследования, специфика задач, решаемых той или иной отраслью научного знания, особенности исследовательского и методологического инструментария, исходные предпосылки и другие аспекты изучения диалога обуславливают объективно существующую диверсификацию научных парадигм, присущих данной проблеме. Российская политическая наука, не имеющая, в

отличие от целого ряда смежных наук, собственной научной школы изучения диалога, вынуждена обращаться к иным областям научного знания, которые, в той или иной степени, актуальны для выработки политологической парадигмы диалога государства и гражданского общества.

Р. Арнетт, профессор Высшей школы гуманитарных наук, коммуникации и риторических исследований из США, полагает, что расплывчатые и туманные очертания диалога больше напоминают картину художника-импрессиониста, нежели чем четкий фотографический снимок [4, р. 3]. Если одни авторы под диалогом понимают исключительно бесконфликтное и гармоничное сотрудничество его участников, то другие, напротив, считают конфликт, спор, дискуссии, борьбу мнений наиболее актуализированной чертой диалогического взаимодействия. Исходя из данного обстоятельства, вытекают различные теоретико-методологические подходы к классификации и типологии диалогов.

«Вопрос о классификации диалогических дискурсов является достаточно сложным, – пишет по этому поводу лингвист Т.Н. Колокольцева, – поскольку «в науке существует большое количество разноречивых точек зрения на этот счет» [5, с. 25]. Многообразие диалогических дискурсов, сложность их организации, продолжающееся расширение границ диалогической коммуникации «ставят исследователей перед необходимостью вновь и вновь обращаться к проблеме классификации диалогов» [6, с. 76].

Д. Таннен, профессор лингвистики и культурологии из Джорджтаунского университета в США, полагает, что главный аргумент культуры современного общества – это всепроникающая воинственная атмосфера, которая побуждает относиться и к миру, и к людям, живущим в нем, в состязательно-агонистическом наклонении. В связи с этим свою «главную книгу» она назвала «Аргумент культуры: переход от дебатов к диалогу» [7].

В современной цивилизации, по мнению Д. Таннен, основным содержанием культуры стало так называемое «критическое мышление». А «главный аргумент» такого рода культуры – это словесные перепалки, вербальные дуэли,

конфронтация мнений, ругань, оскорбления, компромат и т.д. Война с наркотиками, война с раком, борьба полов, борьба за сферы влияния в политике – это все аргументы культуры, это военные либо, в лучшем случае, спортивные метафоры, которые буквально пронизывают своей агрессивностью любой дискурс и формируют соответствующее милитаризованное мышление. С точки зрения Д. Таннен, современному обществу нужны иные метафоры для «поиска истины и получения информации посредством интеллектуального обмена». В том числе, как полагает Д. Таннен, и на основе поворота от конфронтационного типа дискурса к конструктивному партнерскому диалогу, пересмотрев существующую точку зрения на то, что «зрители всегда предпочитают драку» [7].

Г.П. Грайс сформулировал нормативные постулаты ведения спора, дебатов и диалога, которые, по его мнению, должны быть основаны на принципе кооперации. Согласно принципам Г.П. Грайса, участник кооперативной диалогической коммуникации должен вносить свой вклад в разговор, понимать цель или направление разговора, в который он вовлечен, а высказывания участников должны быть ясными, честными, эффективными и уместными, то есть релевантными коммуникативной ситуации [8].

Физик Д. Бом – один из наиболее оригинальных теоретиков диалога, который уже в преклонном возрасте пришел к выводу, что многие ученые мирового уровня развивали свои самые креативные идеи через общение и диалог друг с другом. Д. Бом полагает, что понятие диалог довольно «часто используется для обозначения других вещей, например, компромиссов, переговоров или дискуссий» [9, р. 8]. Для Д. Бома, как и для его последователей, полемика, дискуссия, дебаты, споры, обсуждения и даже переговоры – это не диалог. Д. Бом определяет диалог как форму общения, направленную на взаимопонимание индивидов, в процессе которого его участники совместно создают что-то новое.

Для В. Айзекса «диалог – это особая форма общения с возможностью совершенствования процессов совместного познания, координации действий внутри коллектива и достижения подлинных социальных изменений» [10, р. 20]. Цель переговоров – достижение согласия между сторонами, у которых есть разногласия. Диалог же нацелен на достижение нового понимания проблемы и, таким образом, на формирование абсолютно новой основы для мышления и дей-

ствий. В ходе диалога проблемы не только решаются, но и исчезают. Целью диалога является не столько решение проблем, сколько «растворение их» [11, р. 19]. В диалоге не идет речи об изменении убеждения людей или их поведения. Диалог предоставляет возможности для его участников слушать и быть услышанными; говорить с другими и при этом разговаривать уважительно; развивать или углублять взаимопонимание; узнавать о других мнениях, говорить о собственной точке зрения; строить отношения в позитивном плане.

Еще более четко разграничение между диалогом, с одной стороны, и дебатами, с другой, проводит Д. Янкелович, который оценил важность диалога как успешного процесса для построения взаимоотношений. Для него диалог – это узкоспециализированная форма общественного дискурса, который нельзя смешивать ни с полемикой, ни с переговорами, ни с дебатами [12, р. 41-44].

С. Лондон также отделяет диалог, в том числе делиберативный диалог, от дискуссии и дебатов. По его мнению, диалог акцентирует внимание на общих интересах, а не на разногласиях [13]. С. Лондон проводит демаркацию между делиберативным диалогом и, как он пишет, «другими формами публичного дискурса – такими как дебаты, переговоры, мозговой штурм, консенсус». Смысл делиберативного диалога состоит в коллективном размышлении, выслушивании различных точек зрения, мнений, идей и поиске общих точек соприкосновения для решения вынесенного на совместное обсуждение вопроса. Это не путь к консенсусу, не поиск компромисса, а процесс достижения взаимопонимания. Благодаря этому разногласия нивелируются, конфликты сглаживаются, трансформируются и преобразуются в социальную практику общих действий и совместных дел [13].

По мнению И.А. Кумкина, «диалог – это форма intersubjectивного, коммуникативного взаимодействия, процесс двустороннего общения, располагающий смыслом и ориентированный на выявление взаимных интересов, поиск общей позиции, процесс согласования намерений и выработку целей, действий (стратегии и тактики)» [14, с. 2]. Для диалога, если он несет обоюдную заинтересованность, характерны открытость и ориентир на взаимопонимание и поиск согласия, который может закрыться согласованием позиций и найти свое оформление в соглашении, взаимных обязательствах коммуникантов, договоре, пакте и так далее.

Одним из наиболее приемлемых способов осуществления диалога является компромисс. Настоящий компромисс исключает связку «победитель – побежденный». Он ориентирован на взаимную уступку на уровне частного интереса, чтобы добиться успеха на уровне общего интереса. Толерантность же – это «позиция готовности принимать инакомыслие другого лица, допускать деятельность оппозиции в границах, очерченных общим интересом» [14, с. 2-3].

Вместе с тем существуют и принципиально иные подходы к соотношению диалога, дебатов, дискуссии, полемики и делиберации. Безусловно, что диалог – это не только сотрудничество, согласие, взаимопонимание и кооперация. Диалог, вместе с тем, – это и борьба мнений, и конкуренция взглядов, и состязательность идей...

Начиная с древнейших времен диалог представлял собой не только приватную беседу, приятное общение собеседников или игровое состязание в мудрости. Диалог в античном полисе – это публичный спор, общественная дискуссия, открытые дебаты, конкуренция мнений между гражданами полиса. Быть гражданином полиса означало владеть искусством полемики, которая является определяющим элементом философии еще у Гераклита. По мнению Д.В. Джохадзе, «характерной чертой диалога в античной философии является то, что здесь он – арена диспута, «ристалище» спорящих, докапывающихся до последних оснований и значений слов, понятий, категорий» [15, с. 24].

М.М. Бахтин, трактуя диалог предельно широко, выделял такие его агональные типы, как спор, полемику, пародию и т.д., именуя их «грубыми формами диалогизма» [30, с. 300]. Для нас важно, что он допускал в диалоге не только кооперацию, но и «благожелательное размежевание (без драк на меже)» [16, с. 341], понимая под «межой», скорее всего, насыщенную конфликтами сферу общественно-политического бытия диалога.

В отличие от сторонников кооперативного понимания теории диалога, В.Б. Родос категорично утверждает, что «полемика – самый демократичный вид диалога» [17, с. 22, 13]. А.И. Рузавин подразделяет многообразные формы и типы дискурса на две предельно широкие группы: либо на диалог, либо на монолог. К диалогу он относит «активные» типы дискурса. «Спор, дискуссия, полемика и, в принципе, любое обсуждение носят активный характер, так как предполагают столкновение мнений, точек зрения

и позиций по обсуждаемому вопросу, – пишет по данному поводу вышеназванный философ. – Поэтому они происходят не в форме монолога, а диалога» [18, с. 118]. Зарубежный исследователь А. Лайн, рассуждая о конфликтном потенциале диалога, образно сравнивает процесс диалога с ключом к «ящику Пандоры» [19].

Т.Ф. Плеханова разграничивает следующие «виды риторического диалога: диалог-спор, диалог-полемика, диалог-дискуссия» [20]. Диалог, по мнению К.Д. Скрипника, «может определяться различным образом – в терминах действия и противодействия, вопроса и ответа, атаки и обороны или контратаки, доказательства и опровержения или критики, вызова и защиты и целого ряда иных терминов» [21, с. 5].

Наряду с этими двумя диаметрально противоположными точками зрения, где диалог дихотомически рассматривается либо как сотрудничество (кооперация), либо как конкуренция, борьба мнений или даже как конфликт, существуют и паллиативные подходы. Подобная интерпретация сущности диалога представляет собой более сложный и в то же время внутренне дифференцированный подход на основе кластеризации, то есть разграничения и объединения в группы различных классов (типов, видов) диалога. Такой методологический подход позволяет создать типологию диалога, включив в его лоно достаточно широкий спектр субъект-субъектных интеракций, расположенных в диапазоне от сотрудничества и до противоборства, от кооперации и до конкуренции.

Классификация диалога на основе кластерного подхода позволяет использовать в социальной и политической коммуникации богатый спектр его промежуточных видов, подвидов и разновидностей, простирающихся в дискурсивном континууме между его двумя крайними полюсами. Построенная на кластерном подходе теория диалога позволяет совершенствовать технологию, методы и механизмы связей с общественностью, используя богатый репертуар разнообразных типов диалогических интеракций, в том числе в сфере публичной политики современной России.

Достаточно широкую известность среди российских лингвистов и социолингвистов приобрела классификация диалогов, предложенная А.К. Соловьевой. Проводя демаркацию между диалогом-спором и диалогом-ссорой, она замечает, что «момент логической аргументации, свойственный спору, в диалоге-ссоре уступает

место выпадам эмоционального порядка, резким нареканиям его участников друг на друга» [22, с. 108]. В отличие от этих двух видов диалога, диалог-унисон более однообразен, поскольку он характерен для ситуации, когда «разговор происходит в объединяющей собеседников атмосфере» [22, с. 109]. Именно в таком формате унисонного типа диалога строится коммуникация В.В. Путина со своими сторонниками («Единая Россия» и др.). В то время как для дискурса с оппонентами используется аргументация, присущая диалогу-спору и даже диалогу-ссоре, как, к примеру, в политической коммуникации российской власти с несистемной либеральной оппозицией.

Мы полагаем, что в публичном пространстве российской политики присутствует достаточно широкий спектр диалогических типов, простирающихся, особенно в сфере публичной политики, от диалога кооперативно-унисонного типа до агонистического вида диалога конфликтного типа. Особым кластером диалога, пришедшим на смену морально устаревшей субъект-объектной парадигме воздействия власти на общество, является убеждающий, или персуазивный, тип диалога. Такой диалог характеризуется возможностью его акторов (государства и гражданского общества) взаимодействовать друг с другом в формате субъект-субъектной коммуникации с целью переубеждения или внушения партеру по дискурсу каких-либо взглядов или идей.

Амбивалентной интенцией по отношению к агонистически-конфликтному типу общественно-политического диалога является объективно существующая в политике необходимость координации взаимодействия, солидарных действий на основе договоренностей и компромиссов, достигаемых в процессе обоюдных консультаций, совещаний, соглашений, союзов, уступок и переговоров. Именно здесь заключается фундаментальное разграничение политики как «politics» и политики как «police». Если в первом случае политика предстает как борьба за завоевание, использование и удержание власти, как политическая конкуренция и борьба идеологий, реализующаяся на основе агонистического кластера диалога, то во втором варианте политика предстает как совместная деятельность государства и институтов гражданского общества на основе делиберативно-переговорных кластеров диалога. То есть диалогического согласования в сфере публичной политики партикулярных и общественных интересов, достижения договорен-

ностей и компромиссов в процессе коллективной выработки программ жизнедеятельности и путей достижения общественного согласия и гражданского мира.

Диалог государства и гражданского общества хотя и является политической интеракцией, но относится, прежде всего, к сфере публичной политики, где власть и НКО (государство и гражданское общество) не конкурируют и не борются друг с другом за политическую власть, а взаимодействуют, сотрудничают, совещаются, дискутируют и даже нередко спорят и конфликтуют. Но некоммерческие организации, являющиеся ядром современного гражданского общества, в отличие от политических партий, не пытаются завоевать власть; они лишь стремятся воздействовать на нее в процессе публичной коммуникации и диалогического взаимодействия с целью принятия тех или иных социально значимых политических решений. В этом смысле диалог государства и гражданского общества является политическим, протекая в сфере публичной политики. Поэтому диалог государства и гражданского общества, имея политические черты, в то же самое время представляет собой общественный диалог, затрагивающий и социальные, и моральные, и гуманитарные, и правовые, и многие другие проблемы, относящиеся к области публичной политики.

Для дифференциации различных типов и видов диалога существуют эмпирически определяемые способы и критерии их фиксации. Так, к примеру, диалоги между государством и гражданским обществом могут быть классифицированы в соответствии с целями, которые ставят перед собой субъекты и акторы политического процесса и публичного дискурса.

Диалог может носить кулуарный и закрытый характер непубличной (тайной) коммуникации двух или в ряде случаев нескольких субъектов публичной политики. Такой диалог можно назвать политическим общением «с глазу на глаз», коммуникацией или переговорами при «закрытых дверях», дискурсом «один на один» без присутствия каких бы то ни было иных участников за исключением узкого круга лиц. В то же время коммуникация государства и гражданского общества нормативно должна иметь открытый, прозрачный или транспарентный характер, она нормативно должна быть понятной и гласной, то есть иметь характер публичной коммуникации, субстанционально присущей публичной сфере и публичной политике.

Публичный диалог может протекать «лицом к лицу» либо быть опосредованным средствами массовой коммуникации. Информация, содержащаяся в таком диалоге, должна быть адресована не только непосредственным участникам, акторам, субъектам или партнерам по диалогу, но и всему обществу (публике) в целом. К примеру, такая коммуникация нередко осуществляется между президентом и лидерами политических партий. Зачастую такой способ интерактивной коммуникации граждане могут наблюдать на экране телевизоров в режиме онлайн или узнавать о его содержании из информационных сообщений в электронных или печатных средствах массовой информации. Еще один способ осуществления публичного диалога – это общенациональные дискуссии, публичные, в том числе парламентские или предвыборные, дебаты.

Еще один возможный вариант для классификации разновидностей общественно-политического диалога – это симметрия или асимметрия между субъектами диалога, обладающими приблизительно равными или отличными социальными статусами. Так, к примеру, это может быть неиерархический горизонтальный диалог внутри гражданского общества между отдельными личностями, общественными организациями и институтами. Или же это может быть диалог (с различной степенью напряженности) между политическими партиями, общественные дискуссии, обсуждения и референдумы по наиболее актуальным и злободневным общественно-политическим вопросам. При этом степень вовлеченности в этот дискурсивный процесс акторов со стороны государства, бизнеса или гражданского общества может быть различной в зависимости от тематизации вопросов, вынесенных на обсуждение в сферу публичной политики.

Для разработки релевантной типологии кластеров диалога, применимой для исследования специфики диалогического взаимодействия государства и гражданского общества, наиболее приемлемой, с точки зрения автора данного исследования, является теория аргументации, сочетающая в себе логику, риторику и прагматику. Аргументация (от лат. *arguo* «показываю, доказываю, выясняю»), по определению представителей голландской школы аргументологов, это «вид словесной и социальной деятельности, задачей которой является увеличение (или уменьшение) приемлемости спорной точки зрения посредством приведения ряда взаимосвязанных

доводов, направленных на доказательство и/или опровержение этой точки зрения» [23, р. 5].

Современная российская политическая наука недооценивает значение аргументативно обоснованного дискурса, под которым Ю. Хабермас подразумевал общественный диалог на основе разработанной им этики дискурса [24], [25]. «Аргументация гарантирует, – писал по этому поводу Ю. Хабермас, – что все заинтересованные стороны, свободно и на общих принципах, могут принять участие в коллективном поиске истины, где ничто не принуждает кого-либо, кроме силы лучшего аргумента» [26, р. 198]. А публичные дискуссии, как утверждает этот немецкий философ, предназначены именно для того, чтобы «производить верные, убедительные... аргументы» [27, с. 137]. Но если дискурсивная этика и теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса в российской политической науке уже получили достаточно широкую известность, то теория «критической аргументации» на основе аргументированного диалога, разработанная Д. Уолтоном, остается практически неизвестной и невостребованной [28], [29], [30], [31].

Несколько интерпретируя и дополняя уолтоновский подход к классификации диалога, автор данной статьи полагает, что существует широкий спектр диалогических интеракций, различающихся интенциональностью, модальностью, целями, стратегиями, методами и рядом других отличительных признаков. Спектр диалогических коммуникаций простирается от конфликта и до партнерства (кооперации), включая в типологический ряд диалога ряд промежуточных типов или, точнее, кластеров диалога. В свою очередь обширные кластеры диалога – эристический или конфликтный диалог (*eristic dialogue*), диалог-убеждение ((*persuasion dialogue*), переговорный диалог (*negotiation dialogue*), совещательный диалог (*deliberative dialogue*), информационно-поисковый диалог, исследовательский диалог и, наконец, партнерский диалог или диалог кооперативного типа [32].

Предложенная нами типологии включает 7 кластеров диалога. Под диалогическими кластерами мы подразумеваем объединение нескольких однородных или схожих элементов, каждое из которых может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определенными заданными свойствами. Элементами каждого из кластеров диалога являются более конкретные виды (подвиды) диалога. Главное предназначение сформулированной нами кластерной ме-

тодологии состоит в агрегации однотипных и в то же время отличных друг от друга диалогов в группы или, точнее, кластеры диалога.

Так, например, эристический кластер диалога – это целая «семья диалога». В репертуар вида (кластера) диалога входят «вербальные дуэли», публичные ссоры, распри, дразги, «черный PR», информационные войны, манипуляции (софистика) и так далее. Цель эристической дискуссии состоит в утверждении собственной точки зрения путем победы над оппонентом (дискредитации, разоблачения, уничтожения имиджа, подрыва доверия и репутации и т.д.), который воспринимается не как партнер по диалогу или как конкурент, а как соперник и даже как враг. В качестве примера можно привести «диалог» власти и несистемной оппозиции в лице Б. Немцова, А.Навального, М. Касьянова и др.

Противоположным полюсом в репрезентации континуума кластерной дифференциации диалогических интеракций является не менее широкий кластер кооперативных (партнерских) типов диалога. В состав данного кластера входят диалоги унисонного типа (например, диалог В.В. Путина с ОНФ), направленные на сохранение, поддержание или публичную демонстрацию ранее достигнутого согласия. В качестве еще одного примера такого рода диалога можно привести партнерство власти СОНКО (социально ориентированных некоммерческих организаций) на основе выделения им грантов и другого рода предпочтений (к примеру, выделение земельных участков «ночным волкам» в районе Севастополя) в обмен на публичную демонстрацию ими своей лояльности и преданности правительственному курсу и лично В.В. Путину.

В промежутке между этими двумя амбивалентными кластерами диалога находятся 5 других кластеров диалога, каждый из которых обладает большей или меньшей интенциональностью либо к конфликту, либо к партнерству. К примеру, персуазивный (убеждающий) диалог несет в себе достаточно высокую степень конфликтности, но в гораздо меньшей степени, чем эристический кластер диалога.

Персуазивному кластеру диалога, как и эристическому, так же присуща состязательность и конкуренция между различными точками зрения. Но цель персуазивных диалогов (публичных дебатов, полемики, дискуссий, диспутов и даже споров) состоит в убеждении (а не уничтожении) оппонента и публики (электората). Персуазия это более «мягкое» воздействие на общественное мнение и общественное сознание, чем эристика.

Главное предназначение диалогов, входящих в персуазивный кластер, состоит в разъяснении и конкретизации собственной позиции, а так же в консолидации и мобилизации уже имеющихся сторонников и завоевании новых. При этом, конечно, присутствует стремление раскритиковать, ослабить или подорвать аргументы политических конкурентов. Но не в их вербальном уничтожении с помощью «дискурсивного оружия».

Поэтому, осуществляя управление публичными коммуникациями и политическими конфликтами очень важны коммуникативные технологии, которые позволяют трансформировать конфликтный кластер диалога в более конструктивный. К примеру, эристический диалог переводить в контекст персуазивного кластера, персуазивный в переговорный, переговорный в делиберативно-совещательный и так далее. Каждый последующий кластер диалога, начиная от эристического полюса в сторону партнерства, будет менее конфликтен, чем предыдущий.

Практическая значимость представленной технологии диалога достаточно велика и вполне применима для дискурсивного управления диалогическими коммуникациями между государством, бизнесом и гражданским обществом, в сфере публичной политики внутри РФ и за ее пределами в международных отношениях и дипломатии с целью преодоления конфликтов и достижения политического согласия, социальной стабильности и гражданского мира [33]. Данная парадигма управления диалогом применима как к PR-коммуникациям, так и GR-взаимодействию коммерческого и некоммерческого секторов (бизнеса и гражданского общества) с органами государственного и муниципального управления [34], [35], [36], [37].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Поцелуев С.П. Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества. [Текст]: автореферат дис. ... доктора политических наук. Ростов н/Д. 2010. 46 с.
2. Скрипник К.Д. Философия. Логика. Диалог. [Текст] / К.Д. Скрипник. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. Ун-та. 1996. 146 с.

3. Пелипенко А.А. Человек и культура как субъекты диалога [Текст] / А.А. Пелипенко // Цивилизации / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 1992. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций / отв. ред. А.О. Чубарьян. 2006. С. 64-81.
4. Arnett P. Dialogue as an «Enlarged Communicative Mentality»: Review, Assessment, and Ongoing Difference [Text] / P. Arnett, C. Grayson, C. McDowell // AQ QUARTERLY REVIEW OF COMMUNICATION RESEARCH. 2008. Vol. 27, № 3.
5. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи [Текст] / Т.В. Колокольцева. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета. 2001. 260 с.
6. Колокольцева Т. Н. Современная диалогическая коммуникация и проблемы ее изучения [Текст] / Т.Н. Колокольцева // Речевое общение: специализированный вестник / Под ред. А. П. Сквородникова. Вып. 8-9. Красноярск. 2006.
7. Tannen D. The Argument Culture: Moving from Debate to Dialogue [Text] / D. Tannen. Maryland. USA. 1998. 348 p.
8. Грайс Г.П. Логика и речевое общение [Текст] / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.
9. Bohm D. On Dialogue [Text] / Bohm D. In L. Nichol (Ed.). London and New York: Routledge. 1996.
10. Isaacs W. The Process and Potential of Dialogue in Social Change [Text] / W. Isaacs. // Educational Technology. Vol. 36. № 1. 1996. P. 20 – 30.
11. Isaacs W. Dialogue and the art of thinking together [Text] / W. Isaacs. 1999. New York: Random House. 428 p.
12. Yankelovich D. The magic of dialogue: Transforming conflict into cooperation [Text] / D. Yankelovich. 1999. New York: Simon and Schuster. 240 p.
13. London S. Thinking Together: The Power of Deliberative Dialogue [Text] / S. London. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scottlondon.com/reports/dialogue.html>.
14. Кумкин И. А. Публичная сфера как предпосылка формирования гражданского согласия [Текст] / И.А. Кумкин // Вестник СевГТУ.-Севастополь: Изд-во Севастоп. нац. техн. ун-та. 2006. Вып. 78: Философия. Режим доступа: http://www.sevntu.com.ua/jspui/bitstream/123456789/1788/1/78_Filosophy.2006.
15. Джохадзе Д.В. Античный диалог и диалектика [Текст] / Д.В. Джохадзе // Философия и общество. 2012. № 2 (66). С. 23–45.
16. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. [Текст]. / М.М.Бахтин / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.
17. Родос В.Б. Теория и практика полемики. [Текст] / В.Б. Родос. Томск: Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева. 1989. 55 с.
18. Рузавин Г.И. Логика и аргументация: Учебное пособие для вузов. [Текст] / Г.И. Рузавин. М.: Культура и спорт. ЮНИТИ. 1997. 351 с.
19. Lane A. Is Dialogue the Key to Pandora's Box? [Text]. / A. Lane // Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, Sheraton New York, New York City, NY, 2005.
20. Плеханова Т. Ф. Текст как диалог [Текст]. Монография. Мн.: МГЛУ. 2002. 253 с.
21. Скрипник К.Д. Философия. Логика. Диалог. [Текст] / К.Д. Скрипник. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. Ун-та. 1996. 146 с.
22. Соловьева А.К. О некоторых общих вопросах теории диалога [Текст] / А.К. Соловьева // Вопросы языкознания. 1965. № 6. С. 103-110.
23. Eemeren F. Fundamentals of argumentation theory: a handbook of historical backgrounds and contemporary developments. [Text] / F. Eemeren, R. Grootendorst, F. Henkemanns. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. 1996. 529 p.
24. Зайцев А.В. Философия диалога и диалогика гражданского общества: истоки и сущность // Философские исследования. 2012. № 4. С.1-53.
25. Зайцев А.В. Диалогика Юргена Хабрмаса: понятие и сущность // Философские исследования. 2012. № 2. С. 75-98.
26. Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action [Text] / J. Habermas. Cambridge, Mass. 1990. 228 p.

27. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. [Текст] / Ю. Хабермас. СПб.: Наука. 2000. 380 с.
28. Уолтон Д. Аргументы ad hominem [Текст] / Д. Уолтон. / Пер. с англ. Н. Я. Мазлумяновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2002. 352 с.
29. Walton D. Commitment in Dialogue [Text] / D. Walton, E. Krabbe. Albany: State University of New York Press. 1995. 235 p.
30. Walton D. Types of Dialogue, Dialectical Shifts and Fallacies. [Text] / D. Walton // Argumentation Illuminated. F. H. van Eemeren et al. (eds.). Amsterdam. SICSAT. 1992. P. 133-147.
31. Walton D. Commitment, types of dialogue, and fallacies [Text] / D. Walton // Informal Logic. 1993. Vol. XIV. № 2-3. P. 93-104.
32. Зайцев А.В. Кластерная дифференциация диалогических интеракций государства и гражданского общества в сфере публичной политики: теория и практика // Социодинамика. 2016. № 12. С. 68-75.
33. Зайцев А.В. Диалог государства и гражданского общества в публичной политике современной России: между конфликтом и кооперацией // Конфликтология / nota bene. 2016. № 2. С. 134-143.
34. Зайцев А.В. Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. Том 19. № 1. С. 203-206.
35. Зайцев А.В. Диалогическая модель связей с общественностью: возникновение, состояние, перспективы. // Arsadministrandi. 2013. № 3. С. 5 – 23.
36. Зайцев А.В. Диалогический дефицит в сфере коммуникации и связей с общественностью государства и гражданского общества современной России // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова. 2014. Том 11. № 1. С. 133-141.
37. Зайцев А.В. Дефицит диалога в PR-коммуникации государства и гражданского общества современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 20 (163). Вып. 19 С. 119-130.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Potseluev S.P. Dialog i paradiolog kak formy diskursivnogo vzaimodeistviya v politicheskoi praktike kommunikativnogo obshchestva. [Tekst]: avtoreferat dis. ... doktora politicheskikh nauk. Rostov n/D. 2010. 46 s.
2. Skripnik K.D. Filosofiya. Logika. Dialog. [Tekst] / K.D. Skripnik. Rostov n/D.: Izd-vo Rost. Un-ta. 1996. 146 s.
3. Pelipenko A.A. Chelovek i kul'tura kak sub'ekty dialoga [Tekst]/ A.A. Pelipenko// Tsivilizatsii / In-t vseobshch, istorii RAN. M.: Nauka, 1992. Vyp. 7: Dialog kul'tur i tsivilizatsii / otv. red. A.O. Chubar'yan. 2006. S. 64-81.
4. Arnett R. Dialogue as an «Enlarged Communicative Mentality»: Review, Assessment, and Ongoing Difference [Text] / P. Arnett, S. Grayson, S. McDowell // AQUARTERLY REVIEW OF COMMUNICATION RESEARCH. 2008. Vol. 27, № 3.
5. Kolokol'tseva T.N. Spetsificheskie kommunikativnye edinitiy dialogicheskoi rechi [Tekst]/ T.V. Kolokol'tseva. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo universiteta. 2001. 260 s.
6. Kolokol'tseva T. N. Sovremennaya dialogicheskaya kommunikatsiya i problemy ee izucheniya [Tekst] / T.N. Kolokol'tseva/ //Rechevoe obshchenie: spetsializirovannyi vestnik / Pod red. A. P. Skovorodnikova. Vyp. 8-9. Krasnoyarsk. 2006.
7. Tannen D. The Argument Culture: Moving from Debate to Dialogue [Text] / D. Tannen. Maryland. USA. 1998. 348 r.
8. Grais G.P. Logika i rechevoe obshchenie [Tekst] / G.P. Grais // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XVI. M.: Progress, 1985. S. 217-237.
9. Bohm D. On Dialogue [Text] / Bohm D. In L. Nichol (Ed.). London and New York: Routledge. 1996.
10. Isaacs W. The Process and Potential of Dialogue in Social Change [Text] / W. Isaacs. // Educational Technology. Vol. 36. № 1. 1996. P. 20 – 30.
11. Isaacs W. Dialogue and the art of thinking together [Text] / W. Isaacs. 1999. New York: Random House. 428 p.
12. Yankelovich D. The magic of dialogue: Transforming conflict into cooperation [Text] / D. Yankelovich. 1999. New York: Simon and Schuster. 240 r.

13. London S. Thinking Together: The Power of Deliberative Dialogue [Text] / S. London. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.scottlondon.com/reports/dialogue.html>.
14. Kumkin I. A. Publichnaya sfera kak predposylka formirovaniya grazhdanskogo soglasiya [Tekst] / I.A. Kumkin // Vestnik SevGTU.-Sevastopol': Izd-vo Sevastop. nats. tekhn. un-ta. 2006. Vyp. 78: Filosofiya. Rezhim dostupa: <http://www.sevntu.com.ua/jspui/bitstream/123456789/1788/1/78Philosofh.2006>.
15. Dzhokhadze D.V. Antichnyi dialog i dialektika [Tekst] / D.V. Dzhokhadze // Filosofiya i obshchestvo. 2012. № 2 (66). S. 23–45.
16. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. [Tekst]. / M.M.Bakhtin / Sost. S. G. Bocharov; Tekst podgot. G.S. Bernshtein i L.V. Deryugina; Primech. S.S. Averintseva i S.G. Bocharova. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s.
17. Rodos V.B. Teoriya i praktika polemiki. [Tekst] / V.B. Rodos. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet im. V. V. Kuibysheva. 1989. 55 s.
18. Ruzavin G.I. Logika i argumentatsiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov. [Tekst] / G.I. Ruzavin. M.: Kul'tura i sport. YuNITI. 1997. 351 s.
19. Lane A. Is Dialogue the Key to Pandora's Box? [Text]. / A. Lane // Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, Sheraton New York, New York City, NY, 2005.
20. Plekhanova T. F. Tekst kak dialog [Tekst]. Monografiya . Mn.: MGLU. 2002. 253 s.
21. Skripnik K.D. Filosofiya. Logika. Dialog. [Tekst] / K.D. Skripnik. Rostov n/D.: Izd-vo Rost. Un-ta. 1996. 146 s.
22. Solov'eva A.K. O nekotorykh obshchikh voprosakh teorii dialoga [Tekst] / A.K. Solov'eva // Voprosy yazykoznaniya. 1965. № 6. S. 103-110.
23. Eemeren F. Fundamentals of argumentation theory: a handbook of historical backgrounds and contemporary developments. [Text] / F. Eemeren, R. Grootendorst, F. Henkemans. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. 1996. 529 r.
24. Zaitsev A.V. Filosofiya dialoga i dialogika grazhdanskogo obshchestva: istoki i sushchnost' // Filosofskie issledovaniya. 2012. № 4. S.1-53.
25. Zaitsev A.V. Dialogika Yurgena Khabrmasa: ponyatie i sushchnost' // Filosofskie issledovaniya. 2012. № 2. S. 75-98.
26. Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action [Text] / J. Habermas. Cambridge, Mass. 1990. 228 r.
27. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie. [Tekst] / Yu. Khabermas. SPb.: Nauka. 2000. 380 s.
28. Uolton D. Argumenty ad hominem [Tekst] / D. Uolton. / Per. s angl. N. Ya. Mazlumyanovoi. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie». 2002. 352 c.
29. Walton D. Commitment in Dialogue [Text] / D. Walton, E. Krabbe. Albany: State University of New York Press. 1995. 235 r.
30. Walton D. Types of Dialogue, Dialectical Shifts and Fallacies. [Text] / D. Walton // Argumentation Illuminated. F. H. van Eemeren wt al. (eds.). Amsterdam. SICSAT. 1992. R. 133-147.
31. Walton D. Commitment, types of dialogue, and fallacies [Text] / D. Walton // Informal Logic. 1993. Vol. XIV. № 2-3. R. 93-104.
32. Zaitsev A.V. Klasternaya differentsiatsiya dialogicheskikh interaktsii gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v sfere publichnoi politiki: teoriya i praktika // Sotsiodinamika. 2016. № 12. S. 68-75.
33. Zaitsev A.V. Dialog gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v publichnoi politike sovremennoi Rossii: mezhdru konfliktom i kooperatsiei // Konfliktologiya / nota bene. 2016. № 2. S. 134-143.
34. Zaitsev A.V. Publichnaya sfera kak pole dialoga gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2013. Tom 19. № 1. S. 203-206.
35. Zaitsev A.V. Dialogicheskaya model' svyazei s obshchestvennost'yu: vzniknovenie, sostoyanie, perspektivy. // Arsadministrandi. 2013. № 3. S. 5 – 23.
36. Zaitsev A.V. Dialogicheskii defitsit v sfere kommunikatsii i svyazei s obshchestvennost'yu gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva sovremennoi Rossii // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Amosova. 2014. Tom 11. № 1. S. 133-141.
37. Zaitsev A.V. Defitsit dialoga v PR-kommunikatsii gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva sovremennoi Rossii // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2013. № 20 (163). Vyp. 19 S. 119-130.